

Наджа Жозеф

19.07.06.

Газета - с 19
СРЕДА 19 ИЮЛЯ 2006

19

КУЛЬТУРА

СОБЫТИЯ / ФАКТЫ / МНЕНИЯ

Жозеф Надж на Авиньонском фестивале

Танцы с быками

Глеб Ситковский / АВИНЬОН

Жозеф Надж — самый важный человек в Авиньоне-2006. Это он задает тон юбилейного 60-го фестиваля, это он формирует программу, приглашая сюда только тех, кого считает единомышленниками в искусстве. Способности притягивать к себе других талантливых людей у Наджа точно не отнять. В свое время он, восхитившись перкуссией джазмена Владимира Тарасова, позвал его к себе в соратники. Без такого человека, как Тарасов, не возникло бы ни «Последнего пейзажа», ни «Времени отступления», ни нынешнего, совсем свежего спектакля Наджа «Asobu». А другой спектакль мастера, показанный в Авиньоне-2006 и называющийся «Пасодобль», ни за что бы не смог появиться, не будь на свете такого замечательного испанского художника, как Микель Барсело.

Умение видеть и отдавать должное даровитым людям вокруг себя — это вообще-то редкий дар для такого эгоистического существа, каким по определению является любой художник. Ведь многие замечательные режиссеры или хореографы вполне самодостаточны и не терпят вокруг себя никаких иных крупных величин. С Наджем совсем другая история: он жадно подпитывается чужим творчеством и благодаря этому идет вперед, все время ме-

няясь и создавая нечто совсем непохожее на то, что было у него прежде. Так, «Asobu» целиком инспирирован творчеством поэта и художника Анри Мишо — Надж посвятил свой спектакль этому офранцузившемуся бельгийцу. Мишо жил в XX веке и, подобно многим своим современникам, считал психоделические наркотики лучшим другом художника. «Asobu» тоже кажется неким галлюциногенным видением, родившимся под влиянием мескалина.

Этот спектакль Наджа описать не легче, чем пересказать поутру какое-нибудь рваное сновидение. Вспоминаются спеленатый мертвец, путешествующий по сцене вместе с живыми танцорами («Не следует путешествовать с мертвецом» — эти слова Анри Мишо послужили в свое время эпиграфом для «Мертвеца» Джима Джармуша), лысые японцы в высоких колпаках и веселый бородач, то и дело выкрикивающий в зал что-то тарабарское. На стены Почетного двора Папского дворца, где шел этот спектакль, проецируются картинки с изображением лошадей и реки. А название спектакля по-японски означает то ли забаву, то ли игру, то ли мнимый бой понарощку. Все фрагментарно, все рассыпается на части (как, собственно, и в литературных опытах Мишо), но взгляд от сцены отвести трудно. Несколько раз подряд этот спектакль Наджа шел в Авиньоне

Doropaph: Christophe Raynaud de Lage

Участники «Пасодобля» лепят для себя диковинные глиняные маски

под проливным дождем, но из всей огромной толпы загнипотизированных зрителей во время представления не ушел, кажется, почти никто.

«Пасодобль» — совсем другая история. Поскольку пасодобль — это испанский танец для двоих, то и в гулкое пространство церкви селестинцев помещены всего два человека: сам Жозеф Надж и художник Микель Барсело. Третьим и самым главным персонажем спектакля стала вздыбившаяся почва — две плоскости из мягкой красной и белой глины, сросшиеся под тупым углом. Сначала мы увидим «пузыри земли», похожие на те, о которых говорится в «Макбете»: на совер-

шенно безлюдной сцене начнет мало-помалу бугриться глина, выталкивая на поверхность уродливые наросты. Затем на сцену выйдут два строго одетых человека и вступят в сражение с этой вязкой материей. Говорят, движения пасодобля имеют самую непосредственную связь с танцем тореро, дразнящего быка. В таком случае Надж и Барсело стали здесь двумя тореадорами, на которых с бычьей яростью несется сама земная почва. Хотя когда глядишь на эту красную глину, то кажется, что перед тобой некий марсианский пейзаж.

Орудия киркой и скребком, серьезные мужчины выращивают из этой глины какие-то дико-

винные растения. Потом выносят мягкие кувшины из того же материала и, нахлобучив их на головы, лепят из себя каких-то зооморфных существ: козлов, свиней и — да, да — тех самых свирепых быков. В какой-то момент Надж совсем вожмется в поверхность, утопленный в глине. Жесткая коррида кончится известной победой: вылезшие из земного праха люди в него же и вернутся. Барсело проскреблет в наклонном глиняном планшете очертания бычьей головы, выдолбит там пустые глазницы, и два человека нырнут сквозь эти налившиеся кровью глаза навсегда, чтобы уже никогда не вернуться. Конец пасодоблю.